

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

ФИЛИЙ, или СПОР О ДРЕВНИХ И НОВЫХ

Действующие лица:

Ф и л и й
Ф о б и й
Э п и н и к и й

Ф о б и й. После того как постмодернисты объявили, что все уже написано, литература вроде бы должна прекратить течение свое? Конец истории, конец литературы?..

Ф и л и й. Насчет истории не знаю, а литература, как видим, продолжается. Пишут.

Ф о б и й. Пишут?! Списывают, переписывают — и шутя выдают за свое.

Ф и л и й. Но здорово переписывают! И ведь переписывали-то спокон веку — интертексты и архетипы всегда были. А выдать за свое тоже надо уметь.

Ф о б и й. Прямо на ходу подметки режут.

Ф и л и й. Это кто же? Только, нет, знаешь, давай без имен — *nomina sunt odiosa*.

Ф о б и й. Одиоза так одиоза. Так даже интереснее будет. Ну вот, например, один такой современный мастер, с солидным, между прочим, филологическим образованием, берет хрестоматийный рассказ, который у всех на слуху, наполовину меняет заглавие (а в подзаголовке даже объявляет свое сочинение черновиком, недавно найденным в бумагах классика), повторяет знаменитый текст абзац за абзацем, почти слово в слово, только там, где у классика непристойности намечены пунктиром, дает «жеребятине» полную волю... И новый шедевр готов!

Ф и л и й. А-а, понимаю, о каком рассказе ты говоришь. Случайно прочел, потому что он посвящен одному из нас, братьев-филологов. По моему, и правда маленький шедевр.

Ф о б и й. Ты это серьезно?

Ф и л и й. Но ты же сам описал, как новый автор проявляет скрытую динамику оригинала. Ведь там «жеребятина» не только в подтексте, но и во всей заклинательной, магической артикуляции текста. Да и рассказ-то, собственно, о том, доверять ли медицине или знахарству, то есть опять-таки магии. В фабуле побеждает медицина, а в повествовании — словесная магия. И наш современник обнажает это, выводя мат на поверхность. Причем, заметь, он берется все время соревноваться в изобретательности с классиком, великим юмористом, и отлично справляется. Рассказ, как в лучших домах Филадельфии — у Пушкина, Чехова, Бунина, Бабеля, — читается поверх классического образца, который в нем и узнается и перелицовывается.

Ф о б и й. Ну да, перелицовывается — изнанкой наружу. Ладно, раз такое сейчас носят, что тут скажешь... Возьмем другого новатора. Он тоже, чтобы далеко не ходить, пересказывает классику, на этот раз целый роман. Заглавие слегка перефразирует, сразу не догадаешься, типа «На фронте и дома», а сюжет излагает, что называется, брифли — на полстранички, — да так, как будто это современное дамское чтиво. Андрюша и Наташа любят друг друга, но встречается Толя, потом появляется Петя, муж Лены, параллельно Наташин брат Коля знакомится с Машей... Совершеннейшая чепуха и пошлость, я только где-то посередине сообразил, в чем дело.

Ф и л и й. Ну вот, ты сам признаешься, что не сразу разобрался. А когда разобрался, у тебя должен был наступить шок узнавания, знаменитое *aha-response*, катарсис, как говорится. Признайся, наступил?

Ф о б и й. Ну, на какое-то мгновение наступил.

Ф и л и й. Я не читал, но даже из твоего перепересказа видно, что текст краткий, первая половина — загадка, во второй — разгадка, катарсис налицо. А ты все равно морщишь нос.

Ф о б и й. К тому же про объявленный в заглавии фронт там и нет ничего...

Ф и л и й. Но ведь пародируется, как я понял, не классика, а дамское чтиво?

Ф о б и й. Да просто новатор наш облегчил себе задачу.

Ф и л и й. Полагаю, что хохма была не в том, чтобы пересказать великий роман брифли, а в том, чтобы наглядно продемонстрировать, что значит душевное: «Читала, читала. Но только про мир. А про войну все пропускала».

Ф о б и й. Ну да, ну да, такие филологические упражнения.

Ф и л и й. Бывает хуже. Один знакомый профессор, наоборот, проходил со студентами только военно-исторические эпизоды, а всю любовь пропускал. Он, видишь ли, как раз писал статью об этой стороне романа — как он выражался, об очных ставках с властителями. Студенты мёрли от скуки.

Ф о б и й. Ладно, выставяю третий экспонат. У еще одного новатора юный герой заглядывается на женщину постарше себя. Она медик, и однажды он оказывается ее пациентом. Она его вылечивает, но этот, казалось бы, желанный контакт с предметом воздыханий лишь унижает героя.

Ф и л и й. Что-то не опознаю. То есть архетип понятный, но ни оригинала, ни копии не опознаю. Наверное, ты все лучшее опустил, оставил только абстрактную схему. Уж не потому ли, что иначе видна будет твоя натяжка?

Ф о б и й. Ладно, верну пару деталей. В обоих рассказах, классическом и новом, по ходу лечения герой подвергается частичному раздеванию, так что обнаруживается его позорная неаппетитность — некий непорядок в области его, как выражался Бахтин, материально-телесного низа. После чего, какие уж там амуры... И еще. В обоих случаях героиня проявляет к поклоннику полную медицинскую заботливость и человеческую доброжелательность. Но — сугубо как профессионал, то есть на общих основаниях, отстраненно и несколько свысока, а не лично, как желанная и заинтересованная женщина. Убийственный, точнее кастрирующий, контраст.

Ф и л и й. Что-то брезжит, но все еще не въезжаю. Кастрация — буквальная или чисто символическая?

Ф о б и й. У обоих символическая, но у классика более зримая, поскольку героиня — хирург, операцию герою она делает с помощью скальпеля, правда, не на гениталиях — и в этом смысле символическую.

Ф и л и й. А-а, вроде понимаю, кто этот классик. Классик недавний, советского времени?

Ф о б и й. Да, и сегодня слегка забытый.

Ф и л и й. Понятно, а героиня тогда, значит, *молодая, интересная особа, докторша, утомленная высшим образованием?*..

Ф о б и й. Она самая.

Ф и л и й. Недоступная для героя — простого рабочего, который признается, что поскольку болезнь у него *глазная, верхняя* (ячмень), постольку рубашку он *переснял, а другое, извиняюсь, не трогал*. И носочки у него *неинтересные, если не сказать хуже*.

Ф о б и й. А она, услышав это, режет ячмень, но *на ногу посмотрит и от смеха задыхается. Режет и хохочет. Аж рука дрожит. А могла бы зарезать со своей дрожащей ручкой!*

Ф и л и й. Спорить не буду, классика. Ну а «копия»?

Ф о б и й. А копия такая, что мальчик, он же одиннадцатилетний будущий автор, заморожен ароматом женщины, исходящим от соседки по даче, студентки-медики. Но однажды у него схватывает живот, героиня берется его осмотреть, слегка расстегивает его штанишки, пальпирует живот и ласково объясняет ему, что у него газы, надо, не стесняясь, попукать и все будет хорошо. Конец романа.

Ф и л и й. Здорово! Не читал, но вижу, что здорово. Ну, штанишек можно было ожидать, а вот возрастной разрыв, собственное авторское детство и контрастное проведение ольфакторного мотива — класс! Влияние могло быть, а могло и не быть, но даже если перед нами сознательная вариация, то превосходная. К тому же совмещенная с отсылкой к целым двум иностранным фильмам, введшим выражение *запах женщины* в наш обиход, — итальянскому (1974) и американскому (1992).

Ф о б и й. Значит, списано сразу с трех оригиналов!..

Ф и л и й. На тебя не угодишь. Личный опыт преобразен и оформлен по-своему — с оглядкой на мастеров. Других примеров «списывания» нет?

Ф о б и й. Сколько угодно. Вот опус еще одного эпигона. В командировке женатый человек средних лет влюбляется в молодую женщину, думает только о ней, но жену не бросает, а, наоборот, окружает еще большим вниманием и комфортом. Через двадцать лет, когда все дети выросли, жена объявляет мужу, что уходит от него, ибо задыхается в атмосфере его безлюбой заботы. Внезапно свободный, он едет к своей пассии, признается ей в любви с первого взгляда и в с тех пор всецело на нее направленных любовных помыслах. Но она отвергает его, проклиная за эти флюиды, двадцать лет не дававшие ей полюбить никого другого.

Ф и л и й. Прекрасный рассказ. По-твоему, тоже плагиат?

Ф о б и й. Ну, плагиат — сильно сказано. Но история, как говорится, создания довольно прозрачная. Взят один из шедевров русской новеллистики, сюжет выжат до отказа, а потом удвоен — схематично проведен дважды, с легкой перестановкой слагаемых. Узнаешь оригинал?

Ф и л и й. Пока нет. В чем состоит твоя «выжимка»?

Ф о б и й. А в чем состоит инвариант двух подсюжетов нового рассказа?

Ф и л и й. В том, что герой из лучших побуждений перекрывает кислород как жене, так и далекой возлюбленной и все трое несчастны.

Ф о б и й. Правильно. Теперь подели на два и получишь рассказ о том, как одинокий герой не решился отбить любимую им и отвечавшую ему взаимностью жену своего друга, страшного зануды.

Ф и л и й. Он не мог покуситься на нее, ибо в том в доме *все, и взрослые и дети, видели в нем благородное существо*, так?

Ф о б и й. Именно так. Теперь видишь?

Ф и л и й. Вижу вариацию, удвоение, оммаж — но никак не плагиат. Вижу мастерскую работу автора и твой мастерский анализ. Интересно, что бы сказал на это автор. Ведь в отличие от классика, современника можно спрашивать.

Ф о б и й. Можно. Но что он может сказать? «Нет». «Не знаю». «Может быть». «Никогда не думал». «Разве что бессознательно»...

Ф и л и й. Ты не пробовал?

Ф о б и й. Пробовал много раз.

Ф и л и й. И в этот раз?

Ф о б и й. И в этот раз.

Ф и л и й. Ну и?..

Ф о б и й. В этот раз ответ был: «Разве что бессознательно». И это притом что этот автор явно любит этого классика и даже писал про этот рассказ...

Ф и л и й. А «бессознательно» тебя не устраивает?

Ф о б и й. Почему не устраивает? Устраивает. Дает чувство глубокого сальеристского удовлетворения. Он не знает, зато я знаю — *я знаю, я!*

Ф и л и й. Еще примеры пачкания мадонны Рафаэля есть?

Ф о б и й. Один последний, мирный.

Ф и л и й. Мирный? Я тебя переубедил?

Ф о б и й. Ну, мы же, в сущности, не спорим, просто акценты ставим по-разному.

Ф и л и й. Сдаешь, сдаешь позиции. Давай рассказывай.

Ф о б и й. Начну с инварианта — архетипического общего знаменателя. Юный герой, он же рассказчик, в поисках половой инициации сталкивается с жестокими обычаями «племени». Опыт заканчивается неудачно для героя, но способствует воспитанию его чувств. И — внимание! — оставляет след насилия на теле героини. В одном прототексте — на руке, в другом — на спине, в новом тексте — на ляжке.

Ф и л и й. А след остается навсегда?

Ф о б и й. Где как. В первом прототексте — физически надолго, а в памяти героя навсегда, во втором прототексте трудно сказать, потому что этот мотив там очень сложно сублимирован, а в новом тексте — навсегда.

Ф и л и й. Ну, тогда твой первый прототекст, это, наверное, повесть, где удар хлыстом оставляет рубец на обнаженной до локтя руке героини, так?

Ф о б и й. Так. И этот удар любимой девушке героя наносит не ее любовник, а его отец, подтверждая незыблемость патриархального уклада. Во втором прототексте ситуация, в сущности, та же, но оригинально удвоенная.

Ф и л и й. Как это удвоенная?

Ф о б и й. Там тоже есть героиня, молодой герой и отцовская фигура, только это не его отец, а ее...

Ф и л и й. И он хлещет собственную дочь?

Ф о б и й. Не дочь, а композиционно замещающую ее фигуру солдата, и порет не сам, а командует поркой.

Ф и л и й. Герой же наблюдает за этим и отказывается от воинской карьеры и женитьбы на героине?

Ф о б и й. Да, и один наш коллега даже сравнил это с отказом героя проходить инициацию и таким образом получать институциональное одобрение жестокого патриархального общества.

Ф и л и й. Знаю, читал. Ну а твой новый автор — как все это претворил?

Ф о б и й. Надо сказать, неплохо. Рассказ построен как воспоминание о студенческих годах автора. Ему отдается девушка экзотической национальности, а после секса наносит себе на ляжку кровавую насечку, очередную, их там много. По обычаям ее народа это свидетельствует, что она опытная и вообще хорошая женщина и тем легче ей дома будет замуж выйти.

Ф и л и й. Не читал. Как интересно! А в чем же поражение героя? Секс-то он, в отличие от двух своих прототипов, получил?

Ф о б и й. Ну, секс это ведь еще не все. С этими экзотическими дамами сегодня секс, а завтра на костер, поджарят и съедят, — как в моем любимом травелогге американского классика.

Ф и л и й. Но американец вроде бы успевает сбежать?..

Ф о б и й. Успевает, успевает.

Ф и л и й. А с этим героем что?

Ф о б и й. Не буду спойлерить, сам прочтешь.

Ф и л и й. Прочту в любом случае.

Ф о б и й. Ладно. Он ей советует сразу нанести побольше насечек, чтобы каждый раз не мучиться. Она же отвечает, что в их языке нет слова «ложь», обливает героя презрением, а на вопрос, понравилось ли ей с ним, отвечает: *Неважно. Все равно мы не поженимся. Какая разница?*

Ф и л и й. Вот это да! Ну, ты, конечно, сам видишь, что никакого списывания, интертексты и архетипы высшей пробы?

Ф о б и й. Спешу признать с улыбкой хмурой...

Ф и л и й. Кстати, одного автора я узнал, а кто остальные четыре?

Э п и н и к и й. Позволю себе вмешаться. Хочу отдать должное достоинствам обоих участников диалога. Филий умело отстаивал свою интертекстуальную позицию, а Фобий искусно опровергал ее, но в конце концов честно признал свою неправоту. Оба изошрялись в задавании и решении задачек по поэтике, а Фобий еще и разыграл Филия с авторством приводимых текстов.

Ф и л и й. Разыграл? Как?

Э п и н и к и й. Туману напустил. *Уланы с пестрыми значками, Драгуны с конскими хвостами, Все промелькнули перед нами, Все побывали тут...* На самом деле все гораздо проще. Расскажу вам старинный анекдот. К директору цирка приезжает артист, предлагающий свой номер. С ним крокодил и обезьяна. Крокодил садится за рояль, обезьяна становится к деке, он аккомпанирует, она поет. «Отличный номер, — восхищается директор. — Беру. Но откройте мне секрет, как вам удалось так их выдрессировать?» — «Никакого секрета, — отвечает артист. — Обезьяна только для вида. Пел и играл один крокодил».

Ф и л и й. То есть... все пять текстов одного автора?

Ф о б и й. И ты его знаешь — ты же читал первый, просто мы договорились имен не называть.

Ф и л и й. Это была «Херова фамилия (Из черновиков А. П. Чехова)» Дениса Драгунского. И остальные тоже его?

Э п и н и к и й. Его, его: «Любовь и кровь. Сюжет для дамского романа. *армия и тыл*», «Все силы неба и земли. *стена, девушка, река*», «Дачное. До любви. *антоновские яблоки*», «Нет такого слова. *заметки по национальному вопросу*». Да у него еще много такого, всякого и всякого другого. Шутка ли — 70 лет человеку! Давайте все вместе, во все гусиное горло: *По-здра-вля-ем...*

Ф и л и й, Ф о б и й и Э п и н и к и й (*хором*). *Поздравляем Дениса Викторовича с семидесятилетием! Vivat! Многая лета! Ad multos annos! Χρόνια πολλά! Подыдем бокалы! Εὐοῖ (в смысле Эвоэ)! In vino veritas! Nunc est bibendum! Et scribendum! Nec Babylonios temptamur numeros...*